

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-60-70

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Шутовство в слове героя и проблема исторической формы романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей»

К.В. Синегубова , А.А. Аксенова

Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6
 AA9515890227@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности взаимодействия формы романа и слова героя в произведении Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей». Целью является объяснение некоторых аспектов гибридизации языкового сознания в данном литературном произведении. Ставится задача прояснить актуализированную М.М. Бахтиным проблему слова в романе. Выдвигается общий тезис о том, что тенденция к гибридизации позволяет объяснить соседство серьезного и смешного в пределах высказывания героя: граница между прозаичной реальностью и собственным миром героя обнаруживается именно в тех моментах, когда герой обращается к шуткам. Слово героя указывает на тенденцию к эстетизации бытовой обстановки. Такая тенденция приводит к учащенной гибридизации повседневных слов и Священного Писания. Роман «Зима тревоги нашей» выходит за пределы дидактического произведения и обнаруживает некоторые черты плутовского романа, однако постоянным атрибутом плутовского романа является повествование от первого лица. Вместо этой формы повествования в романе Дж. Стейнбека возникает сближение точек зрения героя и рассказчика. Опираясь чертами плутовского романа, произведение остается многомерным, не сводится лишь к какой-то одной из существующих романских форм и типологически является скорее экспериментальным, антиплутовским. Шутовство героя дает ему право на отчуждение, в котором преодолевается односторонность зрения других персонажей романа. Гибридизация языков в этом произведении играет ключевую роль в понимании смысла романа.

Ключевые слова: слово в романе, патетика, маска героя, гибридизация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 ноября 2020 г.; принята к публикации 18 ноября 2020 г.

Для цитирования: Синегубова К.В., Аксенова А.А. Шутовство в слове героя и проблема исторической формы романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 60–70. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-60-70>

Buffoonery in the Speech of the Character and the Issue of Historical Form in the Novel *The Winter of Our Discontent* by J. Steinbeck

Kapitalina V. Sinegubova , Anastasia A. Aksenova

Kemerovo State University,
6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation
 AA9515890227@yandex.ru

Abstract. The intention is to explain some aspects of hybridization of language consciousness in this literary work. The aim of the study is to clarify the issue of a word in the novel, which was updated by M.M. Bakhtin. The general thesis is that the tendency to hybridization explains the juxtaposition of serious and funny within the character's utterance: the border between prosaic reality and the character's own world is found precisely when he turns to jokes. The speech of the character indicates a tendency to aestheticize the household environment. This trend leads to a high-intensity hybridization of everyday words and *Holy Scripture*. The novel *The Winter of Our Discontent* is more than a didactic literary work and reveals some features of the picaresque novel, but the necessary feature of the picaresque novel is the first-person narrative. Instead of this form of narration the character and the narrator's points of view are brought closer together in the novel by J. Steinbeck. The literary work with the features of the picaresque novel remains multidimensional and does not reduce only to one of the existing novel forms, and typologically is rather anti-picaresque. The character's buffoonery gives him the right to detachment, due to which the skewed nature of other characters in the novel is overcome. The language hybridization in this work plays a key role in understanding of the novel.

Keywords: the word in the novel, pathetic, character's mask, hybridization

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 11, 2020; revised November 13, 2020; accepted November 18, 2020.

For citation: Sinegubova, K.V., & Aksenova, A.A. (2021). Buffoonery in the speech of the character and the issue of historical form in the novel *The Winter of Our Discontent* by J. Steinbeck. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 60–70. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-60-70>

Вступление

Роман Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» в большей мере исследован в англоязычной научной традиции, как правило его рассматривают в контексте всего творчества автора. В советской традиции указанный роман являлся предметом отвлеченно-идеологического рассмотрения [1. С. 20–27; 2. С. 122–142; 3. С. 197–208]; современная отечественная научная традиция также сосредоточена на морально-нравственной проблематике Стейнбека [4. С. 9–13; 5]. В статье О.Ю. Осьмухиной выдвигается заключение, что «образ Хоули персонифицирует проблему человека, связанную с нравственным падением и разложением личности: именно тяга к деньгам, дух стяжательства и наживы незаметно возвращают героя» [5. С. 48]. В работе В.С. Дворяшиной

«Библейские мотивы в романе Джона Стейнбека „Зима тревоги нашей“» акцент сосредоточен на проблеме предательства и муках совести.

Такое восприятие романа во многом обусловлено лежащим на поверхности дидактико-морализаторским потенциалом, на что указывают Конни Пост [6] и Брайан Рейлсбэк: «Многих рецензентов и критиков произведений Джона Стейнбека раздражает или, по крайней мере, смущает стремление автора вкладывать в свои книги порой грубоватый моральный смысл» [7. С. 139]. Это прочтение представляется нам не вполне адекватным смыслу произведения, поскольку в силу односторонней трактовки романа образ героя сводится лишь к персонификации нравственного падения.

Мы полагаем, что образ героя не ограничивается этическим содержанием, поскольку сугубо этическая плоскость – это сфера ценностных позиций только самих персонажей. Постоянные метаморфозы Итана Хоули и попытки его ускользания как от читателя, так и от самого себя проявляются прежде всего в речевой манере. Серьезная проблематика романа не вызывает сомнений, но всякому читателю бросается в глаза, что этот герой слишком часто пытается шутить, систематически подменяет серьезные реакции на «дурачество». Возникает предположение о *сознательной речевой манере*.

Мы видим, что постоянное переключение речи героя от полной серьезности к шутке и обратно – знак пограничного положения его жизни между правдой и ложью, домом и миром, свободой и долгом, покоем и тревогой. С точки зрения других персонажей, смех снижает озабоченность важными бытовыми и деловыми вопросами, а с точки зрения главного героя – маскирует его глубокую рефлексию и тревогу. В свете этого роман обретает двойное измерение: на первом уровне выступает все то, что напрямую сказывается в словах, а на втором – все то, что лежит (и умалчивается) за ними.

Двойственность героя приводит к явлению гибридации в рамках его сознания различных социальных языков [8. С. 113]. Мы полагаем, что гибридация языков здесь также оказывает влияние на жанровые характеристики этого произведения: прослеживаются черты плутовского романа. В исследовании Н.Б. Томашевского, согласно которому появление плутовского романа было обусловлено социально-экономическими условиями в Испании XVI века, можно увидеть, что в изображенном мире романа само американское общество послевоенного времени порождает (провоцирует появление) героя-хитреца.

Согласно замечанию Симон Стоу, «центральное место в изображении романа Стейнбека „Зима тревоги нашей“ занимает представление о порочности американского общества и ложном характере ценностей. Рассказчик неоднократно выражает августианианское представление о том, что социальная и политическая респектабельность – это просто вопрос успеха, а не показатель нравственного уровня» [9. Р. 339]. Общей чертой двух эпох является несовместимость жизненного успеха с традиционными моральными ценностями. Но плутовские рекомендации как юмористическая установка («вредные советы») – это не то, что встречается в нашем случае. В этом романе XX века «плутовские рекомендации» даются не самим героем и не рас-

сказчиком (как в испанском плутовском романе), а наоборот – другими персонажами (а от их лица – и самой эпохой) Итану Хоули.

Так начинается своего рода эксперимент: как только Итан следует этим «советам» – ему становится невыносимо тяжело на душе, что маскируется в его речи шуткой. Постоянная рефлексия по поводу своего низкого социального статуса и желание обеспечить свою семью являются частью его внешней включенности в мирскую жизнь, а попытки добиться финансового благополучия ведут его к решениям, отягощающим душевное состояние. Можно сказать, что роман «Зима тревоги нашей» оперирует чертами плутовского романа, но является скорее антиплутовским.

Шутовство Итана Хоули как право на отчуждение

Для героев плутовского романа вполне характерны постоянные метаморфозы, что отмечает М.М. Бахтин: «Шут и дурак – метаморфоза царя и бога, находящихся в преисподней, в смерти (ср. аналогичный момент метаморфозы бога и царя в раба, преступника и шута в римских сатурналиях и в христианских страстях бога). Здесь человек находится в состоянии иносказания. Для романа это состояние иносказания имеет громадное формообразующее значение. Все это приобретает особую важность в связи с тем, что одной из самых основных задач романа становится задача разоблачения всяческой конвенциональности, дурной, ложной условности во всех человеческих отношениях» [10. С. 311]. Обо всех метаморфозах Итана читатель узнает со слов рассказчика, но и в самих воспоминаниях героя, в описании домашнего пространства, где сохранились следы тех времен, когда коренные жители из семьи Хоули располагали большим состоянием.

Итак, для романа Стейнбека состояние иносказания, в котором почти постоянно пребывает герой, имеет формообразующее значение. Н.Д. Тамарченко обращает внимание на «расщепление изначальной целостности человека и социального мира и поиски синтеза их разобщенных и утративших прежний смысл начал» [11. С. 27] и также утверждает, что указанная проблема имеет формообразующие функции в романе.

В своей статье В.И. Тюпа обращает внимание на весьма значительный для нас момент: «Не вызывает сомнений, что главный герой то и дело надевает на себя маску (личину) шута, за которой скрывается умное и скорбное лицо. Мэри называет мужа „дурачком“ и тогда, когда он говорит серьезнейшие вещи. „Перестань дурачиться!“ в ее устах – своего рода рефрен повествования» [12. С. 85]. Шутки Итана в этом произведении выступают как противопоставление (или защита) от бессмысленного существования. В монографии Л.Ю. Фуксона для нас важна мысль о том, что «юмор – оптика различия, индивидуации» [13. С. 222]. Мы рассматриваем *шутовство Итана Хоули как реализацию права на отчуждение*, поскольку это единственный способ сохранить свое «я» в окружающей атмосфере, чуждой герою по духу.

Отправной точкой развития конфликта между общественным положением и внутренним ощущением героя является череда финансовых неудач, в результате которых он оказывается продавцом в том квартале, который когда-то принадлежал его предкам. Отметим, что предметом изоб-

ражения плутовского романа всегда является пошлая, пронизанная меркантильным духом действительность. Необходимость выжить и прокормить себя развивают сноровку, а благодаря ловкости плут легко входит в круг богатых и знатных людей. Но в этом романе хозяин лавки Марулло учит Итана: «Учись ловчить, мальчуган, не то прогоришь», в то время как рассказчик подчеркивает тоску героя по спокойному размышлению, ощущению себя самим собой, желание избавиться от необходимости ориентироваться на других.

Герой изображается в двойном освещении: с позиции «я-для-себя» и «я-для-других», в зависимости от пространства, в котором он находится. С.В. Дворяшина пишет об этом так: «Для Итана как для человека, переживающего духовный личностный кризис, дом дает ощущение бытового комфорта, связи с семейной историей, но при этом он же является пространством несвободы, обусловленной необходимостью добросовестно исполнять социальные роли примерного мужа и отца семейства, бедного, но гордого потомка уважаемой семьи» [14. С. 291–292]. В лавке, которая в описании рассказчика похожа на собор, герой проявляет свои чувства, улавливает сходство между атмосферой в лавке, где товар выставляется в самом выгодном виде, и торжественной тишиной в соборе: «Рассеянный свет, наводнивший помещение, напомнил Итану собор в Шартре. Он помедлил, любясь органическими трубами из банок с томатной пастой, часовнями из горчицы и оливок, сотнями овальных гробниц для сардин» [15. С. 20]. Важно, что такое описание лавки дается уже *не глазами героя, а глазами рассказчика*, который здесь солидаризируется с позицией персонажа.

Сопоставление величественного пространства (собор), в котором воплощаются духовные ценности и обыденного пространства (продуктовая лавка), где воплощаются товарно-денежные отношения и приоритеты телесные, указывает на ценностный конфликт в положении самого Итана. На протяжении всего романа происходит спор духовных и торговых ценностей.

Появление шуток и каламбуров скрывает тревогу, что постепенно становится очевидно для читателя, а затем и сам герой «проговаривается» об этом: «Когда на душе у меня беспокойно, я дурачусь, чтобы моя любимая не догадалась, как мне тяжело» [15. С. 62]. Замечание критиков о том, что юмор героя роог quality не кажется нам оправданным. Попытки героя «делать хорошую мину при плохой игре» скорее создают впечатление *двойничества героя*. Как отмечает Л.Ю. Фуксон, «игнорирование ценностно-смысловой значимости юмора, по сути, обрекает на поверхностное понимание конкретных юмористических текстов» [13. С. 193]. Речевое поведение здесь указывает на разрыв между ролью «я-для-других» и «я-для-себя» в самом персонаже: «Тихий, сумрачный и сокровенный день Итана Аллена Хоули закончился. Человек, ритмично подметавший тротуар, был уже не тем, кто мог читать проповеди консервам, или распевать литании, или дурачиться в уборной. Он сгреб окурки и обертки от жвачки, шелуху от распутившихся почек и обычную уличную пыль...» [15. С. 22]. Переключение героя на другие обязанности изображается в романе как очередная метаморфоза («чело-

век... был уже не тем»), при этом происходит не только переход от шутовского и одновременно патетического к серьезному и обыденному облику, но и переход от слова к безмолвию.

Проблема патетического слова

Патетическое слово героя в этом произведении вслед за М.М. Бахтиным понимается нами как слово «пророка без миссии, политика без политической силы, верующего без церкви и т. п. – повсюду патетическое слово связано с такими установками и позициями, которые для автора во всей своей серьезности и последовательности недоступны, но которые в то же время он должен условно воспроизводить своим словом» [8. С. 150]. В предложенной статье мы остановимся на истолковании образа языка героя, его высказываний в контексте смыслового целого.

Риторика Итана Хоули строится на противопоставлении общего места (высокопарной цитаты) как репрезентации признанного всеми порядка и речевого каламбура как проявления позиции самого героя, близкого к точке зрения наблюдателя. Настоящее «я» Итана Хоули избегает серьезного высказывания, предпочитая опосредованное шуткой, смеховое воздействие. Знаменитая фраза Остапа Бендера «лед тронулся, господа присяжные» – пример «игры на публику» и театр для самого себя, как и возгласы Итана Хоули: «внемлите мне, маринованные груши и пикули». Тесное соседство духовного (проповедь) и телесного (консервированные груши) как сближение высокого и низкого, культурного и натурального образуют здесь смеховой принцип риторики Итана. Такой образ языка открывает его подлинное живое лицо под маской и обнаруживает в сознании героя духовные поиски смысла.

Постоянный перевод в речах Итана Хоули патетической фразеологии в бытовой план создает в языковом отношении юмористическую натяжку большого на малое: «Итан поднял правую руку, сложил пальцы в пригоршню, ладонью вперед, и объявил: – Внимайте мне, консервированные груши <...> Эти мерзавцы вставали рано и времени зря не теряли. Ну-ка, что там дальше? „Было же около шестого часа дня“, по-нашему, полдень, „и сделалась тьма по всей земле до часа девятого, и померкло солнце“. Как видите, я прекрасно все помню. Боже милосердный, до чего он долго умирал, я бы даже сказал – невыносимо долго! – Итан уронил руку и задумчиво оглядел уставленные консервами полки, будто ждал от них ответа» [15. С. 21]. Проповедь перед консервами не только комична, но и обнаруживает некоторые очень серьезные вещи. Во-первых, присутствуют довольно точные цитаты из Священного Писания, во-вторых, благодаря акцентам, которые расставляет Итан, евангельские события «оживают», поскольку герой *со-переживает* происходящему.

Со временем для Итана переживать день «страстной пятницы» становится все тяжелее, так как все ближе и понятнее для него становится одиночество каждого человека, он признается, обращаясь к другу: «Из года в год, с самого детства, и чем дальше, тем хуже... Так и слышится Его возглас: „lama sabachhani“, и такое в нем одиночество...» [15. С. 41–42]. Это подтвер-

ждается еще одним размышлением героя: «Ни один человек по-настоящему не знает других людей. Самое большее, на что он способен, – предположить, что они похожи на него. <...> Порой в чужих глазах мелькает взгляд затравленного зверя, ищущего, где бы затаиться и переждать, пока душевный трепет сойдет на нет, где можно побыть одному» [15. С. 63]. Разумеется, в этом высказывании идет речь не столько о потребности в уединении, сколько о более глубоком, тотальном одиночестве каждого и переживании, которое невозможно разделить с кем-то другим.

Мы обращаем внимание на тот факт, что герой, прежде чем Мэри откроет глаза, «сунул мизинцы в рот, растянул щеки и изображает лягушку» [15. С. 10]. Самое первое действие персонажа в романе мы наблюдаем *уже в присутствии другого* героя: происходит подмена собственного выражения лица на «веселую маску», в то время как самое последнее, что будет известно читателю – относится не к его внешности, а к мыслям героя: «Я должен вернуться... Я должен отдать талисман его новой хозяйке. Чтобы еще один свет не погас» [15. С. 346]. Такой финал вызывает закономерный вопрос: в какой момент умирает герой романа? Выбрался ли Итан Аллен из заполняющейся водой пещеры? А если и выбрался, то «огонек» этого представителя рода Хоули уже погас где-то попутно и, по словам самого героя, талисман переходит к своей новой владелице (его дочери). Момент этого угасания нигде четко не зафиксирован, он растворяется в контексте происходящего и сознательно укрывается самим героем под маской напускной веселости.

Тему спора духовного и бытового демонстрирует обращение Итана к воробьям: «шумно чирикали, клевались, норовя попасть в глаз, и не заметили, как подошел Итан. – Птички в гнездышках дружны, – проговорил он, остановившись, чтобы полюбоваться битвой. – Почему не дружим мы?.. Бред сивой кобылы! Вы, ребята, не можете поладить даже в такое прелестное утро. Зря с вами так носился святой Франциск! Кыш-ш! – Итан бросился к воробьям, размахивая руками, и они шумно вспорхнули, горько сетуя скрипучими голосами. – Вот что я вам скажу, – заметил он им вслед. – В полдень солнце померкнет, на землю упадет тьма, и вы устраситесь» [15. С. 13–14]. Обращение к воробьям пародирует Святого Франциска. Слова Итана являются перифразом из ветхозаветной книги пророка Исайи: «Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак – народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою» [Ис. 60:2]. Направленность живого интеллекта и культурологического кругозора на ежедневные мелко-бытовые задачи подчеркивает погружение героя в прозаический мир примитивных забот о хлебе насущном, а битва воробьев напоминает ежедневные мелкие битвы «за хлебные крошки» среди самих жителей городка. Когда герой обнаруживает результаты своих трансформаций изменить что-либо уже слишком поздно, отсюда возникает попытка самоубийства. Эрудиция и остроумие Итана постоянно обнаруживается в его слове, однако слово это часто направлено на решение мелких вопросов, что и задает этот осязаемый контраст.

Разговор с уличной собакой выдает мнение самого героя о прошлом и настоящем, об уровне образования сына, о своем финансовом положении. Шуточное предположение, что пес способен «дать отзыв о книге» обращено

здесь к абсолютно серьезной тревоге за будущее своего сына. Также и невольно насмешливое сравнение в отношении сына возникает в сознании Итана Хоули, когда приходит известие о плагиате: «Глаза у него были, как у загнанной в угол мыши, готовой из последних сил кинуться на веник» [15. С. 343]. Всякое осмеяние в устах героя не является произвольной бессмыслицей (как это кажется другим героям романа), а обнаруживает все то, что не может быть высказано напрямую. Справедливо указание Л.Ю. Фуксона, что «понимание юмора как развлекательного смеха, не связанного с идеями, нормами, ценностями, мы считаем в корне ошибочным» [13. С. 193]. Комическое сближение малого и великого, частного и общего, приводит к открытию смеющимся героем, а вместе с ним и читателем, развенчания общественных установок, которые тяготеют к сфере мертвых шаблонов: «Уже бегу! Как насчет яичницы? / – Пожалуй, подойдет. Кстати, почему именно Великая Пятница? Что в ней великого?» [15. С. 11]. Здесь среди шуток и бытовых дел герой задается масштабным вопросом: что великого в Великой Пятнице? На вопрос этот, очевидно, нельзя ответить попутно.

Конечно, здесь, уже в самом вопросе сталкиваются частное и общее: традиция почитания Великой Пятницы и жизнь обычного человека (самого героя), который завтракает яичницей, идет на работу в лавку и т. д. Разговор о яичнице и о Великой пятнице в романе воспринимается как аллюзия: «Мешать Божий дар с яичницей». Все «великое», «историческое», «глобальное» освещается смыслом, перестает быть пустой абстракцией, когда соотносится с жизнью конкретного человека, проживается, осмысливается им. Герой вполне серьезно воспринимает события Священного Писания не только под впечатлениями из детства, но и особенно сейчас, как взрослый человек, он ужасается тому, что та мучительная казнь на кресте называется «великой», и задается духовным вопросом «что в ней великого?». Такой вопрос задает другой ракурс понимания: проявляется установка на осмысление, отказ от автоматизма (привычного восприятия праздника).

В этом же месте романа он отзывается о своих предках: «Зато на кораблях, которые они обстреливали, их считали пиратами. А те римские солдаты считали, что это была казнь» [15. С. 10]. Очевидно, что Итан живет той внутренней жизнью, где библейские и евангельские события оказываются ему ближе, чем окружающая обстановка. Он, словно ощущая себя сопричастным всему большому, заброшен в малое. Поэтому то, что кажется с точки зрения Мэри «дурачеством», для самого героя не только шутка.

Заключительные замечания: эксперимент с формой или антиплутовской роман XX века

В романе Стейнбека, как и в плутовском романе, нарушается единство поступка и события, герой уже и сам не может решить, кто же он: «преступник или честный человек, злой или добрый, трус или смелый? Можно ли говорить о заслугах, преступлениях, подвигах, создающих и определяющих его облик? Он стоит вне защиты и обвинения, вне прославления или разоблачения, он не знает ни покаяния, ни самооправдания, он не соотносен ни с какой нормой, ни с каким требованием или идеалом, он не один» [10. С. 219].

Как и в плутовском романе, здесь «обнажается резкий разрыв между человеком и его внешним положением – саном, достоинством, сословием. Вокруг плута все высокие положения и символы, как духовные, так и светские, в которые с важностью и лицемерною ложью облакался человек, превращаются в маски, в маскарадные костюмы, в бутафорию. В атмосфере веселого обмана происходит преобразование и улегчение всех этих высоких символов и положений, их радикальная переакцентуация» [10. С. 163]. Важно, что плутовской роман является антирыцарским: в нем представлены люди, лишенные чести, чьи предки прославились не героическими подвигами, а убийством и воровством (как и сами предки Итана Хоули – пираты).

Однако в плутовском романе герой становится тем, что требуется от него для выживания (без всяких сомнений и мук совести). То есть маска «для других» и «для дела» в плутовском романе срастается с реальным лицом, он чувствует себя органично: чем ловчее удастся «надуть» окружающих, тем лучше. Но в романе Стейнбека герой постоянно чувствует чужеродность такой маски и сам уверяет себя, что она временна. Неслучайна такая деталь, как маска Микки Мауса, которую он планирует задействовать в ограблении банка. Игрушка, которую просит сын, становится атрибутом опасного дела (ограбления), то есть преступление взрослого человека им самим (Итаном) осознается как временная, игровая мера, чтобы поправить свое финансовое положение.

Роман Дж. Стейнбека вовсе не сводится ни к узкому прочтению его как иллюстрации социальных и психологических вопросов, ни к аллегорическому прочтению (несмотря на заглавие). Его также невозможно отнести ни к одной из романских форм XVIII–XIX веков: он не является ни плутовским романом, ни романом испытания, ни романом становления. Здесь уживаются разноплановые тенденции, и произведение не сводится только к одной разновидности. Частая гибридизация патетичного и шутовского, тем не менее не столько размывает границы, сколько подчеркивает их: граница между прозаичной реальностью и собственным миром героя обнаруживается именно в тех моментах, когда герой обращается к шуткам. Шутовство и стремление эстетизировать бытовую среду обусловлено нежеланием и невозможностью принимать мир таким, какой он есть.

Мы стремились прояснить манеру речевого поведения героя, что потребовало от нас учесть и теорию романа, а в частности – специфику романного слова. Для дидактического романа характерно повествование от третьего лица, для плутовского – от первого. Дж. Стейнбек сближает точки зрения автора и рассказчика, что позволяет при сохранении четкой авторской оценки вывести произведение за пределы дидактического и использовать некоторые черты плутовского романа.

Можно утверждать, что роман «Зима тревоги нашей» характеризуется в первую очередь многомерностью, не сводится лишь к какой-то одной из существующих романских форм и типологически является скорее экспериментальным, антиплутовским. Важнейшую роль в определении романной формы играет шутовство героя, которое дает ему право на отчуждение и обуславливает многомерность восприятия и оценки действительности.

Список литературы

- [1] Жданова Л.И. «Зима тревоги нашей» Джона Стейнбека в СССР // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 1. С. 20–27. DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-20-27.
- [2] Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека // Вопросы литературы. 1962. № 8. С. 122–142.
- [3] Орлова Р.И. Деньги против человечности // Литературная учеба. 1962. № 3. С. 197–208.
- [4] Козубенко Л.М. Концепція добра і зла в романі Джона Стейнбека «Зима турботи нашої» // *Filologia, literatura, sociologia i kulturoznawstwo. Aktualne naukowe problemy. Rozpatrzenie, decyzja, praktyka*. Warsaw: Diamand Trejding tur, 2016. S. 9–13.
- [5] Осмухина О.Ю. Проблема человека в романах Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). Ч. 1. С. 45–49.
- [6] Post C. History's myth: John Steinbeck and the twilight of western culture: Ph.D. Dissertation. Lubbock: Texas Tech University, 1993.
- [7] Railsback B.E. The moral philosophy of John Steinbeck: review // *Steinbeck Review*. 2007. No. 3 (1). DOI: 10.1353/str.2007.0016.
- [8] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
- [9] Stow S. “Can you honestly love a dishonest thing?” The tragic patriotism of “The Winter of Our Discontent” // *A political companion to John Steinbeck* / С.Е. Zirakzadeh, S. Stow. University Press of Kentucky, 2013.
- [10] Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Книга по Требованию, 2019.
- [11] Тамарченко Н.Д. К методологии исследования русского классического романа (природа и типы художественного целого) // Литературное произведение как целое и проблемы его анализа: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово 1979.
- [12] Тюпа В.И. Поэтика аллюзий в романе Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» // Проблемы исторической поэтики в анализе литературного произведения. Кемерово, 1987.
- [13] Фуксон Л.Ю. Смех как способ истолкования. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016.
- [14] Дворяшина В.С. Символика пространственных образов в романе Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» // *Иностранные языки в Узбекистане*. 2018. № 4 (23). С. 279–285.
- [15] Стейнбек Дж. Зима тревоги нашей. Путешествие с Чарли в поисках Америки: сборник / пер. с англ. Д. Целовальниковой, Н. Волжиной. М.: АСТ, 2018.

References

- [1] Zhdanova, L.I. (2016). “Zima trevogi nashei” Dzhona Steinbeka v SSSR [“The Winter of Our Discontent” by John Steinbeck in the USSR]. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences*, (1), 20–27. DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-20-27. (In Russ.)
- [2] Levidova, I.M. (1962). Poslevoennye knigi Dzhona Steinbeka [Postwar books by John Steinbeck]. *Voprosy literatury [Questions of literature]*, (8), 122–142. (In Russ.)
- [3] Orlova, R.I. (1962). Den'gi protiv chelovechnosti [Money against humanity]. *Literaturnaia Ucheba [Literary Studies]*, (3), 197–208. (In Russ.)
- [4] Kozubenko, L.M. (2016). Kontsepsiia dobra i zla v romani Dzhona Steinbeka “Zima turboti nashoi”. *Filologia, Literatura, Sociologia i Kulturoznawstwo. Aktualne Naukowe Problemy. Rozpatrzenie, Decyzja, Praktyka* (pp. 9–13). Warsaw, Diamand Trejding tur. (In Ukr.)
- [5] Osmukhina, O.Iu. (2018). Problema cheloveka v romanakh Dzh. Steinbeka “Grozd'ia gneva” i “Zima trevogi nashei” [The problem of man in the novels of J. Steinbeck's “Grapes of Wrath” and “The Winter of Our Discontent”]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]*, 3(81)(part 1), 45–49. (In Russ.)
- [6] Post, C. (1993) History's myth: John Steinbeck and the twilight of western culture (Ph.D. Dissertation). Lubbock, Texas Tech University.

- [7] Railsback, B.E. (2007). The moral philosophy of John Steinbeck: Review. *Steinbeck Review*, 3(1). DOI: 10.135a3/str.2007.0016.
- [8] Bakhtin, M.M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [*Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [9] Stow, S. (2013). “Can you honestly love a dishonest thing?” The tragic patriotism of “The Winter of Our Discontent”. In C.E. Zirakzadeh and S. Stow, *A Political Companion to John Steinbeck*. University Press of Kentucky.
- [10] Bakhtin, M.M. (2019). *Sobranie sochinenii. T. 3. Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [*Collected works. Vol. 3. The theory of the novel (1930–1961)*]. Moscow, Kniga po Trebovaniu Publ. (In Russ.)
- [11] Tamarchenko, N.D. (1979). K metodologii issledovaniia russkogo klassicheskogo romana (priroda i tipy khudozhestvennogo tselogo) [On the methodology of research of the Russian classical novel (nature and types of artistic whole)]. *Literaturnoe Proizvedenie kak Tseloe i Problemy Ego Analiza: Mezhevuzovskii Sbornik Nauchnykh Trudov* [*Literary Work as a Whole and Problems of Its Analysis: Interuniversity Collection of Scientific Papers*]. Kemerovo. (In Russ.)
- [12] Tiupa, V.I. (1987). Poetika alliuзии v romane Dzh. Steinbeka “Zima trevogi nashei” [Poetics of allusions in the novel by J. Steinbeck's “The Winter of Our Discontent”]. *Problemy Istoricheskoi Poetiki v Analize Literaturnogo Proizvedeniia* [*Problems of Historical Poetics in the Analysis of a Literary Work*]. Kemerovo. (In Russ.)
- [13] Fukson, L.Iu. (2016). *Smekh kak sposob istolkovaniia* [*Laughter as a way to interpretation*]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ. (In Russ.)
- [14] Dvoriashina, V.S. (2018). Simvolika prostranstvennykh obrazov v romane Dzhona Steinbeka “Zima trevogi nashei” [Symbolism of spatial images in John Steinbeck's novel “The Winter of Our Discontent”]. *Inostrannye Iazyki v Uzbekistane* [*Foreign Languages in Uzbekistan*], 4(23), 279–285. (In Russ.)
- [15] Steinbek, Dz. (2018). *Zima trevogi nashei. Puteshestvie s Charli v poiskakh Ameriki* [*The Winter of Our Discontent. Traveling with Charlie in search of America*]. Moscow, AST Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Синегубова Капиталина Валерьевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>. E-mail: sinegubova@nextmail.ru.

Аксенова Анастасия Александровна, магистр философии, преподаватель-исследователь по направлению «Языкознание и литературоведение», специальность «Теория литературы. Текстология», преподаватель кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>. E-mail: AA9515890227@yandex.ru.

Bio notes:

Kapitalina V. Sinegubova, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the XX century of the Kemerovo State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>. E-mail: sinegubova@nextmail.ru.

Anastasia A. Aksenova, Master of Philosophy, lecturer and researcher in the field of linguistics and literary studies (programme of study “Theory of literature. Textology”), lecturer of the Department of Journalism and Russian Literature of the XX Century of the Kemerovo State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>. E-mail: AA9515890227@yandex.ru.